

ДВА ЧАСА ИЗ ЖИЗНИ ЛАВРЕНТИЯ ПАВЛОВИЧА

Рассказ

В четвертом часу пополудни во двор старинного особняка на Пятницкой улице въехал длинный, сверкающий черным лаком правительственный «ЗиС». Едва он остановился, из него выскочил подтянутый молодой человек и сноровистым движением распахнул заднюю дверцу. После небольшой паузы из темного чрева лимузина сначала показалась нога в отутюженной серой брючине и начищенном до блеска ботинке, неторопливо утвердилась на асфальте, потом появился и сам пассажир – полноватый мужчина в годах с едва заметной улыбкой на гладко выбритом круглом лице. Одет он был в легкое демисезонное пальто; из-под мягкой черной шляпы с широкими опущенными полями слюдянисто поблескивали стекла пенсне.

Из второй машины, темно-синей «Победы», остановившейся поодаль, также выскочили спортивного вида молодые люди и, бегло оглядевшись по сторонам, скрылись в парадном.

Мужчина, продолжая неуловимо улыбаться чему-то своему, плавным движением холеной руки поправил аккуратно повязанный галстук, вынул из кармана носовой платок и, не спеша протерев пенсне, направился за ними. Он вошел в подъезд, миновал два лестничных марша, на площадке между этажами прошествовал мимо одного из своих спутников, напряженно глянувшего на него и тут же опустившего глаза, с одышкой остановился у массивной филенчатой двери.

На прямоугольной бронзовой табличке значилась витиевато выгравированная надпись: «Семен Моисеевич Гольман. Гинеколог».

Лаврентий Павлович усмехнулся. Действительно, гинеколог. Рафаэль хорошо сделал, что оставил здесь все, как было. Семен Моисеевич, весьма известный специалист по женским вопросам, не так давно живший в этой просторной шестикомнатной квартире с камином в гостиной, поменял профессию и работает теперь в тайге, на свежем воздухе. Да и вся его большая семья стерта в лагерную пыль.

Почему, однако, охранник так странно взглянул на него? Надо от него избавиться. Хотя все соколики давно проверены по части, так сказать, родословной и особенно – в деле. Тем не менее: так поспешно прячут глаза люди, у которых есть что скрывать. Надо избавиться.

Успокаивая дыхание, Лаврентий Павлович постоял у двери еще с полминуты.

На этой служебной квартире у него была назначена важная встреча, и Лаврентий Павлович ощущал легкое покалывание в висках, – так всегда бывало с ним перед первым свиданием с новой избранницей.

Там, за дверью, его ждала очаровательнейшая женщина, какую только можно встретить на этой грешной земле.

Держа на отлете в тонких артистических пальцах изящный костяной мундштук с дымящейся французской сигаретой и нервно постукивая ноготком по резному подлокотнику вольтеровского кресла, сидит, верно, она, грациозно закинув ногу на ногу, и задумчиво смотрит своими прекрасными серыми глазами в узкий переплет окна. Эта милая, утонченная Клара...

Лаврентий Павлович улыбался. Он увидел ее случайно в Большом три дня назад.

Под лепным потолком уже плавно угасал хрустальный кокон люстры, в оркестровой яме вразнобой играли инструменты: истерично взвизгнула первая скрипка, пробуя высокую ноту; словно о чем-то жалуясь, скорбно занял контрабас; гобой озорно пропел октаву. Маэстро нетерпеливо постучал палочкой, призывая всех к повиновению. В рядах партера поскрипывали сиденья – люди торопливо рассаживались по своим местам. Шум и разговоры постепенно стихали.

Находясь в глубине правительственной ложи, Лаврентий Павлович – он присутствовал в театре инкогнито – уже весь погрузился в эту завораживающую пучину случайных звуков, в волшебную атмосферу ожидания чуда. Сейчас, когда всё наконец угмонится, через минуту, нет, через тысячу лет, в сгустившуюся тишину прольется жалобный голос флейты. Слабый и беспомощный, потечет он в берегах отчуждения и вражды, но мало-помалу в его зыбком дрожании угадаются другие звуки, почувствуется глубина, непоколебимая сила, и станет вдруг пронзительно ясно, что то были не слабость и жалоба, а грусть и мудрость...

В прикрытых глазах мелькнули розовые сполохи; Лаврентий Павлович с трудом поднял отяжелевшие веки – в ложе напротив зиял желтый проем настежь раскрытой двери. Черт возьми! Лаврентий Павлович раздраженно поправил на носу пенсне и успел увидеть стройный силуэт, изящную линию шеи, правильный контур лица, живой блеск возбужденных глаз. В сопровождении кавалера женщина прошла в ложу, села в пододвинутое кресло – и в зале померкло. Лаврентий Павлович застыл на своем месте: случайность, мимолетность –

непревзойденные ваятели – экспромтом создали великолепный образ. И сразу все звуки умерли, канули в какую-то пропасть, исчезли растворились. Остался лишь этот силуэт, облитый золотистым светом, эти горящие глаза...

Лаврентий Павлович встрепенулся. Увертюру он прослушал. В замершем зале звучал чарующий тенор Козловского. Вот это да! Лаврентий Павлович нетерпеливо толкнул локтем задремывающего соседа.

— Рафаэль, узнай, что там за дамочка в литерной ложе напротив, кто такая, с кэм. И тихо мнэ, тихо, бэз шума. Давай! Бистро!

Она оказалась супругой известного ученого-энтомолога, академика. Одно время вращалась в кинематографических кругах, надеясь своей эффектной внешностью, непосредственностью и молодым задором проложить дорогу на большой экран. Однако, завязав несколько коротких и неудачных интрижек с корифеями кино, поучаствовав в изнурительных многодневных оргиях, время от времени устраивавшихся для узкого круга на шикарных подмосковных дачах, она, тем не менее, мало продвинулась к вожделенной цели. Какие-то мымры – ни рожи, ни кожи – ловко выскакивали замуж, снимались в картинах, гремели на всю страну. А она, всегда вызывавшая столько восторгов и скрытой зависти, приковывавшая столько горящих мужских взглядов, не могла получить мало-мальски заметной роли даже в самом малобюджетном фильме. Неудачи злили ее до умопомрачения.

Как-то один почтенный мэтр, слывший непревзойденным (и небескорыстным, впрочем) ценителем всех мило очерченных пухленьких губок, заметив их надутыми, небрежно рассмеялся, грассируя (фальшиво, конечно):

— Полноте, Клаг'а! Зачем вам экг'ан? Ваша кг'асота не нуждается в обг'амлении. Будьте ког'олевой наших сег'дец!

Этот смешок взбесил ее, прямо-таки накалил добела.

Наконец, устав от зыбкости положения, прибилась-таки к плюшевому дедушке-академику. Он был очень умен, галантен, и к тому же имел всемирную известность – числился почетным Членом нескольких зарубежных академий. Это хоть на какое-то время ослабило приступы ее уязвленного самолюбия.

Правда, дедушка не отличался крепким здоровьем, отчего пикантная жизнь с ним была крайне скудна: иногда, очень-очень редко, он снисходил и ублажал Клару по-французски. Кряхтя, академик

усаживался возле ее кресла на колени, и уже через каких-нибудь пять минут она чувствовала себя всю сплошь залепленной вонючей старческой слюной. Хорошо, хоть всегда находился под рукой смазливый и неутомимый, как кот, «подающий большие надежды молодой коллега»...

Довольная улыбка скользила по лицу Лаврентия Павловича. Подробности Кларинной жизни ему сообщили за те неполные три дня, что он не видел свою избранницу. В настоящих женщинах всегда должна присутствовать изрядная толика тщеславия!

Как она, однако, быстро согласилась на встречу. Будет его о чем-то просить? Поквитаться с кем-то? Признаться, это было бы грустно.

Конечно, он удовлетворит все ее просьбы. Кому-то прижмет хвост, кому-то укоротит остренький язычок. А некоторым товарищам, мнящим себя гениальными творцами, настоятельно порекомендует занять в очередной картине «замечательную актрису». Ведь если рассуждать отвлеченно, ему нет никакого дела до всех этих мозгляков, этих претенциозных фигляров, никчемных лицедеев, с дутым пафосом кривляющихся в насквозь лживых советских фильмах и пьесках. Эх! Отправить бы всех этих скоморохов (да и борзописцев тоже) куда-нибудь на якутские курорты. На южное побережье озера Лабынкыр! Ха-ха! Нэльзя... Кому-то же надо засэрать мозги комсомолу.

Лаврентий Павлович вздохнул, сунул ключ в замочную скважину, открыл дверь, на мгновение задержался с пальто у вешалки, неслышно прошел сумрачным коридором, машинально приглаживая руками редкие волосы на затылке.

По комнатам был разлит тонкий аромат роз. Рафаэль, молодец, разузнал, какие цветы она предпочитает, привез несколько дюжин редких, французских.

Клара сидела в кресле возле камина, от зажженной сигареты к потолку поднимались синеватые струйки дыма.

Изящная женщина в роскошном интерьере среди благоухающих цветов.

Думая о чем-то своем, она глубоко затянулась, и на мгновение лицо ее приобрело торжествующе-мстительное выражение.

Лаврентий Павлович залюбовался ею. Тщеславие, зависть, корысть, злоба, страх – вот подспорья, умело манипулируя которыми, можно управлять целым миром.

Лаврентий Павлович сделал несколько неслышных шагов и остановился у кресла.

Девушка испуганно встрепенулась.

— Ох, Лаврентий Павлович! Вы так неожиданно!

Лаврентий Павлович не без труда нагнул голову и поцеловал девушке ручку. По тому, как она произнесла эти слова, как глянула на него снизу вверх, как дрогнуло при этом что-то в ее глазах, он понял: Клара давно ждала его и, конечно, заранее постаралась принять наиболее выигрышную позу.

— Милая Клара, для тебя просто Лаврентий. Как поживает наш уважаемый академик?

— Вчера бегал по дому как сумасшедший.

— Чего ж так?

— Прислали телеграмму, что где-то там, в Средней Азии, что ли, поймали бабочку. Говорит, неизвестный науке вид.

Лаврентий Павлович захохотал.

— Вот кому завидую. С ума сойти! Поймал бабочку, приколот булавкой к картонке, и готово – получай госпремию! «А пог’аботайте-ка вы, батенька, с людьми», – как говаривал, бывало, наш дорогой Владимир Ильич.

Клара вежливо улыбнулась.

— Ах, Лаврентий Павлович, какие прекрасные розы! Откуда вы узнали, что я люблю именно этот сорт?

— Как же, милочка, все обо всем знать – моя работа.

— Спасибо огромное, Лаврентий Павлович!

— Кларочка! Просто Лаврентий...

Он уселся в кресло напротив, с интересом изучая изменившееся выражение ее лица. Он смотрел на красиво очерченные чувственные губы и уже жаждал их хищного влажного прикосновения, ждал их бесстыдной ненасытности.

Как она незаметно и будто бы невзначай, шелестя шелком платья, приоткрыла стройную ножку, затянутую в ажурный шелковый чулок! Сохраняя почти безразличное выражение лица и болтая о пустяках, наклонилась к пепельнице, изящным острием ухоженного ногтя постучала по кончику сигареты, и при этом в вырезе платья призывно шевельнулись упругие груди. Глаза, только глаза выдают ее тайное волнение. Смотрит немного в сторону и говорит вроде бы оживленно, но все эти заранее рассчитанные движения ею уже совершены, и вот зрачки

туманит поволока, и зреют в них едва уловимое нетерпеливое ожидание, любопытство.

—...Вы даже представить себе не можете, как скучны все эти ученые вечеринки...

Но Лаврентий Павлович не вслушивался в ее слова, он был уже целиком во власти ее очарования. Он привстал, машинально протянул к ней руку.

— Клара, какая вы милая!

Она невольно подалась ему навстречу, будто машинально отвечая на вежливый жест:

— Ах, Лаврентий Павлович...

Через несколько мгновений они уже сидели на диване, и его жадные ладони были на ней, гладили ее всю, скользили по плавным шелковым изгибам, попадая в заманчивые впадины. Он задыхался:

— Кларочка, Клара...

Но мутнеющим взглядом полуоткрытого зрачка видел, что она уже чем-то отвлечена, что-то ее заботит.

— Что? Что? Клара...

— Лаврентий Павлович, извините меня... Лаврентий Павлович! Я совсем забыла вам сказать...

— Ну что, Клара? Что?

— Ой! Я совсем забыла...

Лаврентий Павлович залепил яркие губы жадным поцелуем и повалился на нее. Его цепкие руки задирали платье, путались в резинках, рвали тонкое кружево нижнего белья.

Она неожиданно воспротивилась, сильно сжала пальцами его кисть, нацелившуюся в расщелину ног, резко мотнула головой, освобождаясь от хищно впившихся в нее губ, придушенно, плаксиво залепетала:

— Лаврентий Павлович, я хотела прежде спросить... спросить...

От порывистого движения пенсне, которое он впопыхах не снял, соскочило с носа и шлепнулось куда-то вниз, в мятые диванные подушки. Ослепленный, задыхающийся, Лаврентий Павлович смотрел на близкое отчужденное лицо, на ясные и теперь будто холодные глаза, а рука уже сама выбиралась из складок шелкового платья и кровь отливала от висков.

— Извините, я хотела прежде вас спросить... вернее, попросить... А то потом, может быть... не будет времени...

Лаврентий Павлович не ожидал такого резкого поворота. Отдуваясь, он тяжело поднялся с дивана, подслеповато щурясь, оглядел девушку, словно увидел ее только сейчас, и сквозь зубы процедил:

— Ну? Слушаю тэбя.

Однако Клара, казалось, не чувствовала нанесенной ею обиды. Сидя на диване с выпрямленной спиной, опуская глаза и ломая пальцы, она с гнусавинкой зачастила:

— Понимаете, у меня такая ситуация... почти безвыходная ситуация... А так бы, поверьте, я никогда-никогда не решилась...

Лаврентий Павлович молча наклонился над ней, пошарил рукой по дивану, нащупал пенсне, повесил его на переносицу. Дурмящий запах, исходящий от девушки, уже не возбуждал его. Она же, по-своему истолковав его приближение и смутно ощущая, что совершила-таки оплошность, порывисто обхватила Лаврентия Павловича за бедра, прижалась щекой к ворсистой материи брюк.

— Я на все готова, Лаврентий Павлович, на все! – и снова зачастила, зачастила о чем-то своем.

Лаврентий Павлович почти грубо высвободился из объятий и пошел к выходу, приговаривая:

— Я внимательно слушаю тэбя, Клара!

Но ничего не слышал. Поток эмоциональных слов, выпущенных в ему спину, пролетел мимо ушей, совсем не задел сознания, как будто фразы были произнесены на тарабарском языке.

В прихожей он машинально пригладил редкие волосы на затылке и принялся натягивать пальто. Из гостиной доносились негромкие всхлипывания. Лаврентий Павлович не стал возвращаться в комнату, сказал громко от входной двери:

— Извини, душечка, мнэ нужно спэшить. Вспомнил об одном срочном дэльеце.

Клара воскликнула в ответ:

— Как же это, Лаврентий Павлович? Как же?

— Нэ беспокойся, все по твоей просьбе сдэлаю! – и плотно затворил за собой тяжелую дверь.

На лестнице он надел шляпу на голову и длинно выругался по-менгрельски. Все-таки испортила, мерзавка, то неземное, искрометное чувство, которое он, готовясь к первой встрече с ней, лелеял с самого утра. Могла бы, конечно, просить что угодно, но после! После!

Он внезапно появился на лестничной площадке и, к удивлению охраны, сбежал по маршам вниз. Отрывисто бросил шоферу: «Домой!»

В прохладном чреве лимузина, зло блеснув стеклами пенсне, спросил Саркисова:

— Рафаэль, дэвчонка готова?

Полковник закатил вверх карие глаза, поцокал языком:

— Все в порядке, Лаврентий Павлович. Ждет!

— Нэ фокусничала комсомолка?

— Если только совсем чуть-чуть.

— Ну-ну.

Внезапный приступ ярости сходил на нет. И чего, в самом деле, он так взбеленился на эту амбициозную девку? Ну, забылась она от волнения немного, задержалась, стала по-хамски себя вести... Что из того? В первый раз, что ли?

Лаврентий Павлович даже прищелкнул пальцами. Шени дэда мов тхан!

Ни одна женщина не смеет перечить ему, когда, воспаленный огнем желания, он жаждет близости! Наоборот! Должны ловить каждый жест, каждое его движение, малейший намек! А Клара эта... Ну да черт с ней...

Откинувшись на сиденье, он переключился на более приятные мысли.

Эти тертые, насквозь прожженные бабы, прошедшие огонь, воду и медные трубы, – клейма на них ставить негде. Куда интереснее юные золотоволосые цыпочки, от которых – ну, не наваждение ли? – будто исходит природный аромат свежести. Как прелестны их не замутненные мелочными расчетами глазки, как грациозны и естественны неуверенные, угловатые движения!

В особняке на улице Качалова нынче томится такая девушка – школьница, комсомолка, активистка. Рафаэлю пришлось очень постараться, чтобы заманить ее с оживленной улицы в большой черный автомобиль. Тем более, что Лаврентий Павлович ни под каким предлогом – ни-ни! – не позволил применять силу, а велел действовать только убеждением. Если учесть, что юные особы по своей натуре чрезвычайно впечатлительны и любопытны...

— Ну, расскажи, Рафаэль, как же тэбэ удалось поймать в сэтз нашу золотую рыбку?

Тот рассмеялся, довольный:

— Ха-ха! А я пустил вперед одного прыткого лейтенантишку. Есть там, в местном районном аппарате, такой Глушков. Молоденький совсем и смазлив как херувим – хоть иконы с него малюй... Кира как раз попрощалась в переулке с подругами, брела себе неторопливо домой. А тут, точно черт из табакерки, Глушков: «Девушка, не подскажите, как найти здесь такой-то тупик?» А сам улыбается, играет глазами, форма на нем новенькая, с иголки, сапоги начищены до блеска. Она что-то ему пытается объяснить, тонкой ручкой показывает, а он: «Какая вы милая! Не согласитесь мне показать? Я на машине, это займет всего несколько минут...» Подал тайный знак, тут и мы из-за угла – хлоп! Не успела девчонка оглянуться, как уже очутилась в салоне «ЗиСа»...

— И что дальше?

— Ничего. Лейтенантишка прям-таки соловьем зали-вается, я сижу индифферентно на откидном сиденье – мол, я здесь никто. Цыпочка-то поначалу и не сообразила, что угодила в золотую клетку.

— Ну-ну!

— Потом, конечно, слегка растерялась, когда поехали не в ту сторону...

— Рафаэль, я тэбя прэбью!

— Ничего ведь страшного не произошло, Лаврентий Павлович! Глушков моментально сочинил историю про папу-генерала, который посылал его с поручением по конкретному адресу, а он, якобы, забыл заскочить еще в одно место. «Ну и что здесь плохого, лапочка? Неужели вы так просто уйдете? Давайте немного покатаемся, поговорим...» И болтает, болтает без умолку. Шофер Жора знай себе в усы усмехается да рулит. Домчались до Садово-Кудринской, влетели в распахнутые ворота со стороны Вспольного переулка. Тут уж, в замкнутом пространстве двора, и лейтенант вспотел...

Поморщившись, Лаврентий Павлович слегка шевельнул пальцами, и его словоохотливый подчиненный мгновенно умолк.

Значит, все-таки пришлось чуть-чуть поволноваться милой девчужке Кирочке. Ну, это не беда, это даже хорошо для прелюдии – по идее, это должно настроить пленницу на нужный лад.

Он заранее распорядился поместить школьницу в комнату, обставленную не с кричащей роскошью, но достаточно комфортно, и до его приезда организовать непринужденную обстановку, подать напитков, сладостей.

«Щеки твои – точно половинки граната под кудрями твоими, губы твои алы. Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста, мед и молоко под языком твоим. Вот груди твои – они ароматны, сосцы твои – как вино!»

Привычный покальывающий холодок стиснул виски, и Лаврентий Павлович прикрыл глаза, а когда открыл их вновь, машина уже стояла возле особняка. За толстым блиндированным стеклом маячила долговязая фигура фельдъегеря; подскочивший охранник, не мешкая, распахнул тяжелую дверцу, и армейский офицер, судорожно щелкнув каблуками, протянул пакет: «Исключительно срочно по проекту «Гром», товарищ Берия!»

Пару секунд Лаврентий Павлович отстраненно смотрел на него, потом встряхнулся, черкнул небрежную закорючку в листке получения, почти брезгливо переправил пакет в руки помощника:

— К черту! Ми пообщаемся с товарищем Курчатовым позже. Позже все исключительно срочные дела!

На втором этаже заводили патефон, и в приоткрытую форточку было слышно, как зашипела игла, а потом, наружу, в тесное пространство внутреннего дворика рванулся необузданный, бойкий американский мотивчик. Поспешая к заднему крыльцу, Лаврентий Павлович силился вспомнить, где он мог слышать эту вульгарную, а в отдельных пассажах почти непристойную музыку? Ну, конечно же, это рулады из «Рапсодии в стиле блюз» – заокеанской картины, шедшей в прокате нынешней весной. Замечательно, что и говорить! Вот что отличница и комсомолка выбрала из той богатой коллекции патефонных пластинок, которую ей для развлечения доставили в комнату. Так! Значит, воспитываем молодежь в советском духе, а они всё поглядывают на загнивающий Запад.

Лаврентий Павлович поднялся по черной лестнице и вошел в анфиладу комнат второго этажа. Ему не терпелось, наконец, увидеть юную барышню.

Он появился в дверях в тот момент, когда заокеанский ловелас томным голоском звал любимую на случку. Юная гостья, вольготно расположившись в большом кресле, подергивала худенькими плечиками мелодии в такт – вот-вот пустится в пляс. И движения-то были неловкими, угловатыми, – но без нарочитости, рисовки. И как при этом она была грациозна! Одним махом он оглядел ее всю – тонкую, гибкую, обольстительную. Она быстро, по-птичьи, дернув вбок маленькой головкой, кинула взгляд в его сторону. Глазки ее блестели, блуждающая

улыбка и слегка замедленные движения выдавали действие снадобий, которые подмешали ей в лимонад для придания нужного настроения. Она поправилась в кресле и взглянула на него почти с вызовом.

— Здравствуй, Кира!

— Здравствуйте, дядечка!

Он сразу уловил ее тон, беспечный, игривый. Легко усмехнулся:

— Любишь слушать американцев, душэчка?

Она будто спохватилась:

— Ой, а откуда вы знаете, как меня зовут?

— Эх, Кирочка, дарагая!

Лаврентий Павлович подсел к ней на подлокотник и жадно вдохнул пьянящий аромат пышных каштановых волос.

— Ой, какие тут у вас пластинки!

— Специально для тебя принесли.

— Ой, а кто же вы? Генерал?

Лаврентий Павлович потянулся к ней губами, бормоча: «Сейчас это, душечка, нэважно, нэважно». Он видел близко молодые бессмысленные глаза, влажные безвольные губы.

При его приближении она зажмурилась, как испуганная пичужка, и он прикоснулся к мягким ароматным губам. Прикосновение было мимолетным, но Лаврентий Павлович почувствовал, как вздрогнула она всем своим хрупким телом, как что-то сдвинулось и заволновалось в ней...

Кровь ударила ему в лицо, жаром бешеного желания опалило грудь. Сам не помня себя, он срывал с нее легкие одежды, и все это почему-то уже на кровати. Как, когда они переместились туда? Это из памяти выпало. Кира только тихонько постанывала под его опытными, вездесущими руками.

Лаврентий Павлович, слюнявясь, суетливо целовал девушку взасос, мял податливое, будто неживое тело, и близился, близился сладостный миг соединения, как вдруг лицо ее безобразно сморщилось, и она затряслась в беззвучных спазмах рыданий. Крупные слезы градом лились по щекам. Он опешил, никак не рассчитывая на такой фортель. Школьница же расходилась все больше и больше, распялила в немом крике губы, и, хотя отчаянно пыталась подавить вопль, что-то уже клубилось, рвалось из ее горла наружу.

Лаврентий Павлович как ошпаренный отпрянул от своей странной гостыи, брезгливо оглядел лежащее перед ним щуплое, смятое бледное тело в крупных бугорках серых мурашек.

— Дура! Подумаешь, сокровище!

И эта фраза окончательно прорвала плотину: юную невольницу моментально скрутило в конвульсиях истерики. Как она завелась! Под вздохи, стенания, бессвязные выкрики и водопад слез Лаврентий Павлович кое-как напялил на себя одежду, выскочил вон из комнаты; подвернувшемуся под руку помощнику злобно прошипел:

— Приведите ее в чувство и вишвырните вон отсюда!

В салоне лимузина он опять приходил в себя. Молоденькая, а какова стрэва! Блестела глазками, жеманничала, а потом просто спятила. Истэричка.

Тяжелым взглядом Лаврентий Павлович уперся в стриженный затылок шофера, рявкнул:

— В Сухановку!

Вот место, где он всегда чувствовал себя превосходно. Крепкие стены бывшего монастыря, застывшие фигуры часовых в сквозных бойницах угловых башен, гирлянды колючей проволоки, хриплый лай овчарок. А атмосфэра! С чем сравнить терпкий коктейль смешанных благоуханий: прокисшего пота, гниющего живого мяса, параши, собачатника, сапожной ваксы и оружейного масла? А клейкая вонь неволи, навеки въевшаяся в унылую плоть обреченных?

Там, за семью замками, в крохотной камере который уж месяц томилась кареглазая Тамара, молоденькая вдова расстрелянного наркома. В прежние времена она гордо несла свою точеную головку на кремлевских приемах, не прятала взгляда – наоборот! – смотрела на окружающих открыто и как будто даже с неким вызовом. И объяснялось-то все до мычания просто: ее муж стремительно отвоевывал тогда пространство у трона, спешил попользоваться благоволением Хозяина. Но мыльным пузырем лопнуло дутое реноме – мерзавец оказался шпионом, прокравшимся в самое сердце Родины, англо-японским наймитом. Да еще и крупным растратчиком впридачу!

Полетела голова с плеч добра молодца, в темном подвале из нагана простреленная. А красна девица? Ее, конечно, сразу пытались определить по назначению – самому что ни на есть прямому назначению. Лаврентий Павлович вышел к ней с деловым предложением: дай мнэ, и

тебе воздастся. Но недооценил характера кареглазки: закобенилась. Теперь вот сидит за решеткой, тяжкие булыжники мыслей ворочает...

Впереди оказались надвратная колокольня без колоколов и желтые, кое-где изрядно облупившиеся стены монастыря.

Лаврентий Павлович втянул расширенными ноздрями воздух: ну и чертовщина! Еще до ворот не успели доехать, а тюремная вонь – вот она, уже просочилась в салон, полководьем хлынула в легкие...

На территории специзолятора он вывалился из резко затормозившей машины, грубо оттолкнул подскочившего с докладом бледного начальника, заспешил к ступеням главного корпуса. Его вела судорога, лицо потемнело, губы тряслись, из горла рвался хрип.

— Дэвушку из сэдьмой камеры... мнэ в кабинет... Быстро!

Все двери открывались перед Лаврентием Павловичем как по мановению волшебной палочки. Наконец, сопровождающий офицер распахнул последнюю, черной кожи, и затем мягко прикрыл за его спиной.

Лаврентий Павлович дошел до кресла и рухнул в него почти без сил. Полное лицо его лоснилось от пота, тело вибрировало, руки ходили ходуном. Сверху, с жидко побеленного потолка на него взирали бесстрастные лики святых: кабинет располагался на техническом этаже бывшей церкви, и при спешном ремонте маляры замазали роспись кое-как. Халтурщики!

Немного отдышавшись, он открыл жалобно пискнувшую дверцу письменного стола и достал оттуда початую бутылку коньяка. Нужно было срочно подкрепить силы.

Но допить налитые полстакана он не успел: в дверь деликатно постучали, и в проеме показалась статная Тамара с угрюмой физиономией вертухая за спиной. Странно, но месяцы заточения почти не сказались на ее облике. То же строгое лицо, то же выражение упрямого несмирения на нем... Разве только чуть похудела, резче обозначились ключицы, слегка обтянуло скулы...

Она сделала два шага и остановилась перед столом. Вертухай, пяťся, тут же исчез за дверью.

Лаврентий Павлович, набычась, внимательно рассматривал молодую зэчку, стоявшую перед ним. Стройна, ладно скроена, и если б не неряшливая, порядком обносившаяся одежда... Черт вазми, а наши наркомы-шпионы умэют выбирать сэбэ баб!

— Ну? Коньячку выпьэшь?

Тамара молчала. Лаврентий Павлович мрачнел, кирпичной краской наливалось злое лицо.

— Ну? Что молчишь?

— Не хочу.

— Ах, так! Не хочешь?!

Он яростно вскочил с кресла, неожиданно проворно для своей комплекции обежал стол и схватил упрямыцу за шею.

— А я заставлю тебя! Заставлю!!!

Свирепея, он мотнул рукой, и девушка отлетела к кушетке, придвинутой к ближней стене; вздувшаяся куполом юбка обнажила крепкие стройные ноги.

Схватив пытавшуюся подняться с коленей жертву за волосы, Лаврентий Павлович совал плескавший янтарной жидкостью стакан ей в зубы и кричал:

— Пэй! Пэй!

Та в ответ только мычала и мотала головой.

Пряный аромат разлитого коньяка, терпкий запах давно немьтого женского тела удалили в голову; ноздри хищно раздулись, налитые кровью глаза полезли из орбит. Он вдавил стекло в плотно сжатые губы, и ему все-таки удалось влить несколько капель в скривившийся стоном рот. Этот булькающий, нутряной звук лишил его последних остатков рассудка, слепая волна бешенства залила мозг. Стакан со звоном разбился о пол, руки остервенело рвали ветхую одежду, скривившийся в слюнявом оскале рот был страшен.

Теперь он возвышался над ней, видел ее всю: точеную головку, хрупкие плечи, выдающиеся лопатки, осиную талию и роскошный раздвоенный зад. Он чувствовал, как слабое тело поддается ему, его неистовому напору, и в тот момент, когда огненное жало наконец утонуло во влажной теплоте ее лона, под гулками белеными сводами оскверненного храма раскатился звериный рык.